прямое. Отказ Василия II и русской церкви признать Флорентийскую унию означал провал политики западноевропейских католических государств — включить Русское государство в сферу своего влияния.

Как нам представляется, отголосок событий 40-х годов XV в. прослеживается и на ряде других деталей «Слова о житии». Так, не случайно, думается, только в двух случаях из трех в нем упомянуты города, названные Дмитрием Донским в «духовной» «куплями деда». Своего сына Юрия Дмитрий в Духовной грамоте благословляет Галичем, Галич имеется и в «Слове о житии»; сына Андрея — Белым озером, городом, который в «Слове о житии» также упомянут. Но Угличе поле (т. е. Углич), которым Дмитрий Донской благословил сына своего Петра, в «Слове о житии» отсутствует. Петр, согласно «духовной», получает лишь московский удел Дмитров. Между тем в 30-е и особенно в 40-е годы XV в. в политической жизни страны Углич сыграл свою роль. Пожалованный в 1434 г. Василием II Дмитрию Шемяке,[89] он с той поры становится местом, с которым у великого князя Василия II было связано немало черных дней. Враждуя с Шемякой, Василий II не раз прибирал Углич к рукам, но Шемяка опять возвращался сюда. Особо трагичные дни, связанные для Василия II с Угличем, падают на годы после проигранной им в 1445 г. битвы с татарами. В Угличе договаривался Дмитрий Шемяка с татарами о передаче ему великого княжения.[90] Боясь отмщения возвратившегося в Москву великого князя, Шемяка в Угличе собрал своих вооруженных сторонников, и тогда, по выражению историка г. Углича, «Углич сделался как бы второй столицей России».[91] Сюда, в Углич, в 1446 г. был сослан ослепленный Шемякой великий князь Василий II вместе с женой и детьми.

Может быть, сложная судьба Углича в 30—40-х годах привела к тому, что автор «Слова о житии» не воспринимал его как часть владений Дмитровского князя Петра. Возможно и другое: Углич не был назван как удел Петра, так как Василий II сам передал его Шемяке.[92]

Итак, в «Слове о житии», как это было и в «Летописной повести» о Куликовской битве, мы можем предполагать некий подтекст: Дмитрий Донской, видимо, и в «Слове о житии» ассоциировался в глазах современников с Василием II.[93] В ситуации, возникшей в 40-х годах XV в., обращенные к Дмитрию Донскому слова «Умоли убо, святе, непрестанно о роде своем и за вся люди, сущая в области царства твоего», думается, звучали достаточно выразительно.

---

[89] См.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, стр. 117.

[90] ПСРЛ, т. VIII, стр. 113.

[91] Ф. Киссель. История города Углича. Ярославль, 1844, стр. 160.

[92] В «Слове о житии» упоминание о наделении Дмитрием Донским сына Юрия Галичем — «князю Юрию дал также и Галич» — сопровождается авторским замечанием «яже николи же бывало княжение Галичьское» (Новгородская IV летопись; в списке *Н* первой редакции этой летописи «яже николико не бывало княжение Галичское»). При упоминании о наделении Андрея Дмитриевича городом Белоозеро замечено: «се же Белоозеро неколи бывало княжение Белозерское» (Новгородская IV летопись; в списке *Н* первой редакции этой летописи: «белозерское не бывало княжение николи же»). Это подчеркивание роли Галича и Белоозера имело, по-видимому, определенное значение в обстановке междоусобной борьбы середины XV в. Особенно это относится к Галичу — удельному княжеству, на которое опирался главный противник Василия II — Дмитрий Шемяка.

[93] Можно было бы предположить, что «Слово о житии» отражает борьбу 40-х годов не с точки зрения Василия II, а с точки зрения Дмитрия Шемяки (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 376), но в этом случае в «Слове о житии» вряд ли была бы употреблена формула «стол отца его и деда и прадеда».